

<https://www.163.com/dy/article/EI6GTPIU05384DOS.html>
(Accessed: 14.10.2022)

Huazhou special employee dance performance competition: activating the cultural life of the masses and boosting the spirit of employees.

Retrieved from:

<https://m.163.com/dy/article/HU998QMP0537036W.html>
(Accessed: 24.11.2023)

Team slogan, team morning meeting slogan Energy exercise, make work more exciting. Retrieved from:

<https://haokan.baidu.com/v?pd=wisenatural&vid=6437763081368734644> (Accessed: 04.12.2023)

УДК 81'27

<https://doi.org/10.25076/vpl.52.02>

А. Д. Бобр,

И. Ю. Мигдаль²

Государственный университет просвещения

МАРКЕРЫ ВЕРБАЛЬНОЙ АГРЕССИИ В КОММЕНТАРИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»

Целью написания статьи является выявление, изучение и описание маркеров вербальной агрессии в комментариях в социальных сетях. Особое внимание уделяется пунктуационным маркерам вербальной агрессии коммуникантов.

Материалом для исследования послужили комментарии в сообществе в социальной сети «ВКонтакте», жанр контента которого, можно определить как юмористический.

Для реализации поставленной цели авторы прибегли к использованию следующих методов исследования: анализ, синтез, наблюдение, классификация, описание.

² Бобр А. Д., Мигдаль И. Ю. 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Актуальность статьи заключается в том, что, став ключевым пространством для общения, интернет превратился в глобальную конфликтогенную среду. Это произошло по вполне объяснимым причинам, которые связаны с такими характеристиками интернет-пространства как относительная анонимность, бестелесность и эфемерность. Маркеры вербальной агрессии были широко изучены в реальной межличностной коммуникации, в прессе, но в материале комментариев в социальных сетях данный вопрос не изучался.

Проведенный анализ показал, что в комментариях в социальных сетях можно встретить конфликтогенные диалоги, в которых выделяются не только описанные в работах ученых лексико-семантические, грамматические и прагматические маркеры вербальной агрессии, но и пунктуационные ввиду особой значимости пунктуации в интернет-пространстве, которая обладает собственной семантикой и может быть отнесена к семиотике ввиду своей знаковой природы.

Практическая и теоретическая значимость. Полученные результаты углубили имеющиеся знания о конфликтогенности киберпространства и видах вербальной агрессии и могут быть использованы для последующего написания статей, составления лекционных материалов и программ практических занятий по конфликтологии, семантике, дискурс-анализу, психологии. Систематизация маркеров вербальной агрессии дополняет теорию интернет-дискурса, интернет-коммуникации и расширяет категориально-понятийный аппарат теории языка и интернет-лингвистики.

Ключевые слова: вербальная агрессия, маркеры вербальной агрессии, лексико-семантические маркеры, грамматические маркеры, прагматические маркеры, пунктуационные маркеры, интернет-дискурс, конфликтогенная среда

UDC 81'27
<https://doi.org/10.25076/vpl.52.02>
A.D. Bobr,
I.Yu. Migdal
State University of Education

MARKERS OF VERBAL AGGRESSION IN COMMENTARIES OF SOCIAL NETWORK «VKONTAKTE»

The aim of the article is to identify, study and describe markers of verbal aggression based on materials taken from commentaries of social networks. Special focus is on punctuational markers of communicants' verbal aggression.

Commentaries of virtual public of social network «VKontakte», which genre can be defined as humorous, served as materials for research.

Methods. To achieve the aim, following methods were used: analysis, synthesis, observation, classification, description.

Novelty of the article includes the statement of the Internet being the key space for communication and therefore a global conflict environment. It happened due to intelligible reasons connected with such features of cyberspace as relative anonymousness, ephemerality. Markers of verbal aggression were widely described in real interpersonal communication, in social media, but not in commentaries in social networks.

The analysis showed that in commentaries in social networks there may be found dialogues which could help develop the conflict, where we may highlight not only the markers of verbal aggression such as lexical, grammatical, or pragmatic, but also punctuational ones due to the meaning of punctuation marks in cyberspace, which also may be included in the notion of semiotics due to its sign nature.

These results have deepened the current knowledge about conflict genesis of cyberspace and types of verbal aggression and may be used for other articles, lectures and seminar programs in conflict studies, semantics, discourse analysis, psychology. The systematization of markers of verbal aggression adds to the theory of Internet discourse and widens the definition bank of theory of language and Internet linguistics.

Key words: verbal aggression, markers of verbal aggression, lexical and semantic markers, grammatical markers, pragmatic markers, punctuational markers, Internet discourse, cyberspace, conflict environment

Введение

Увеличение темпа жизни и высокая технологизация всех сфер деятельности человека от личной до производственной сегодня стали ключевыми приметами современности. Кроме того, сокращение живого межличностного общения приводит к созданию большого количества стрессовых ситуаций, в которых оказывается любой среднестатистический обыватель. Наиболее частым и закономерным проявлением стресса по праву считается агрессия, как вербальная, так и невербальная (физическая). Проявление агрессивности в обществе объясняется психологами наличием фрустрированных индивидуумов, чья общая напряженность и тревожность переросли из пассивных индивидуальных настроений в массовый поток выплескиваемых крайне негативных эмоций. Агрессия определяется как комплексное понятие, которое никогда не возникает беспричинно и самостоятельно. Зачастую агрессия в любом ее виде является порождением конфликтной среды посредством нагнетания напряженности на основе базовых эмоций, которые многие ученые приравнивают к инстинктам. В своей работе Л.Р. Комалова рассматривает три уровня вербальной агрессии: гнев, отвращение и презрение (Комалова, 2015). Однако мы полагаем, что эмоциональный ряд, питающий агрессию, имеет более глубокие корни. Три указанных чувства представляют довольно сильные эмоции, которые далее перерождаются в агрессивность, но им предшествуют и их провоцируют более понятные каждому из нас чувства: фрустрация, горе, зависть, страх и одиночество. Однако правила существования человека в современном социуме таковы, что они не позволяют ему открыто демонстрировать эти чувства и вынуждают его скрывать и замалчивать их в течение долгого времени. Несмотря на то, что наша психика представляется достаточно совершенной и адаптивной, долгое подавление этих эмоций неизбежно приводит к поиску путей избавления от них. Самостоятельно это сделать достаточно сложно, так как

современный человек одинок, поэтому часто упомянутые выше эмоции трансформируются в гнев (почему у кого-то хорошо, а у меня плохо), презрение (я выше этого; вы меня не понимаете) и отвращение (ты мне противен, я тебя ненавижу).

Очевиден тот факт, что проявление агрессивности – процесс индивидуальный, но поддающийся описанию. Он состоит из мотива, затронутых эмоций, системы саморегуляции и внешних условий, сложившихся в момент рождения агрессии. Мотивационный аспект отвечает на вопрос «Что мне сделали?», эмотивный аспект на вопрос «Что я чувствую?», регулятивный аспект – «Что я могу сделать?», в то время как фактор внешних условий отвечает на ряд вопросов о социальных ролях присутствующих в момент вспышки агрессии лиц и месте, в котором разворачиваются события или действия, которые мы можем приравнивать к агрессивному поведению (Theocharis & Bekiari, 2018).

Мы полагаем, что внешняя среда и внутриличностный конфликт могут иметь одинаковое влияние на вероятность проявления агрессивности, так как индивид может не обладать достаточными навыками самоконтроля или саморефлексии, в то время как окружающая его среда может оказаться вполне конфликтогенной (Malyuga & Petrosyan, 2022). Учитывая тот факт, что сегодня личность существует не только в плоскости реального взаимодействия с другими людьми, но и в виртуальной реальности, мы считаем именно эту среду интересной и перспективной для более детального изучения паттернов агрессивности ввиду определенной свободы, относительной анонимности, эфемерности среды. Кроме того, находясь в интернет-пространстве, человек теряет ощущение времени и географической привязки к местности, благодаря, казалось бы, безграничным возможностям сети. В таких искусственно созданных условиях у пользователя возникает иллюзия безнаказанности и собственной обособленности от общества. Принимая во внимание, что одной из ключевых задач человека в интернете является самокоммуникация и самоутверждение, им овладевает фасцинация, которая в значительной степени тормозит ряд процессов, происходящих в нашем мозге, убирает или нивелирует те психоэмоциональные, социальные, моральные и нравственные барьеры, принятые в

социуме. Такие условия дают возможность для проявления истинных реакций и естественных поведенческих паттернов индивида, что часто находит свое выражение в агрессивном поведении по отношению к другим участникам коммуникации в частности и интернет-взаимодействия в целом.

Агрессия в художественной литературе была исследована И.Б. Лазебной (Лазебная, 2007) и многими другими учеными. Употребление выражений речевой агрессии в произведениях литературы не только имитирует реальные жизненные диалоги и ситуации, но и является частью развития сюжета, однако в реальной жизни реплики и реакции не заготовлены и не продуманы заранее, а конфликт развивается спонтанно, складывается из множества факторов, например, мотивов коммуникантов, их эмоционального состояния, социальных установок, внешних факторов среды и особенностей развития ситуации и т.д. (Malyuga & Khaperstikova, 2023). Более интересной в этом плане выступает вербальная агрессия в киберпространстве, поскольку даже, существуя в виртуальной плоскости, кибер-конфликт все равно живой и отражающий реальные эмоции реальных людей, скрывающихся под маской виртуальных языковых личностей. В работах ученых (Комалова, 2015; Бобр, 2022) были выявлены некоторые маркеры вербальной и невербальной агрессии в интернет-коммуникации. В данной статье мы фокусируем внимание на формах проявления вербальной агрессии и на ее речевых маркерах, которые наиболее часто встречаются в киберпространстве.

На данный момент выделяется проблема лингвоконфликтогенеза в киберпространстве ввиду участившихся случаев кибербуллинга, то есть травли конкретного человека или группы людей в интернете; флейминга, который понимается как спор или обмен негативными репликами, обыкновенно представлен единичным актом агрессии, которая направлена на высказывание; троллинга или атаки не на высказывание, в отличие от флейминга, а на личность; хейтинга – выражение ненависти по отношению к человеку в интернет-пространстве в адрес конкретного человека/явления/события; киберсталкинга, который состоит в преследовании личности в социальных сетях. Подобные проявления агрессии, ненависти и вражды в виртуальной среде в значительной степени повышает социальную напряженность при

общении в интернете (Солдатова, Рассказова, Чигарькова, 2020). Это находит свое выражение и в языке, который используется коммуникантами. К наиболее явным проявлениям можно отнести: значительное количество нецензурных выражений в сообщениях, публикациях и комментариях, увеличение уничижительной лексики, эллиптических и безличных конструкций, что и является вербальным отражением конфликты в комментариях в интернете. Кроме того, отсутствие кинетики и проксемики, являющихся яркими выразителями наших эмоций, положило начало использованию орфографии и пунктуации для выражения эмоций (Piotrovskaya & Trushchelev, 2022). Этот прием не нов, часто использовался в художественной литературе, но в интернет-коммуникации он приобрел новые формы и очертания в виде эмоджи.

Таким образом, осознав важность изменений, происходящих в киберпространстве как в конфликтогенной среде, мы поставили задачу исследования маркеров вербальной агрессии, классификация и корректная интерпретация которых, поможет распознать зарождение конфликта и может быть полезна для создания новых алгоритмов поведения и модерации в социальных сетях.

Теоретическая часть

Вопросом вербальной агрессии занимались многие ученые, среди них В.И. Жельвис (Жельвис, 1990), Ю.В. Щербинина (Щербинина, 2006), Д. Инфанте (Infante & Rancer, 1996), А. Басс (Buss, 2021), Р. Бэрон, Д. Ричардсон (Бэрон и Ричардсон, 1997). В своих исследованиях ученые приходили к выводу, что вербальная агрессия – многогранна, и не может быть описана в плоскости только негативных речевых единиц или патологического поведения, направленного на причинение вреда оппоненту. Вербальная агрессия включает в себя и непосредственно речевой компонент, и эмотивно-регулятивный, и социально-ситуационный. Этот термин был введен в 1961 году А. Бассом и получил весьма метафоричное толкование: «речевая реакция, которая оказывает вредоносное воздействие на другой организм» (Коновалов, 2023). Ю.В. Щербинина определяет явление как «словесное выражение негативных чувств, эмоций, намерений в неприемлемой в данной речевой ситуации форме» (Щербинина, 2006). А.К. Михальская

описывает вербальную агрессию как настрой на некий «антидиалог», поскольку при ее проявлении индивид сознательно строит коммуникацию по субъект-объектному типу, где сам индивид – субъект, мыслящий и говорящий, а объектом выступает собеседник, не имеющий чувств и собственных идей, выступающий инструментом в достижении целей субъекта (Михальская, 1996). Вербальную агрессию можно определить как эмоциональную словесную реакцию человека на внешние стимулы с целью выражения негативных эмоций.

Вербальная агрессия, по мнению Л.П. Крысина, свидетельствует о негативных процессах, происходящих в обществе, и, как следствие, о некоторой деструкции в языковой культуре (Определение речевой агрессии, 2023). Безусловно использование инвектив может говорить об определенной деградации речи и неумении индивида выражать эмоции и мысли иными способами, кроме как в форме обценной лексики. Однако средства выражения вербальной агрессии не ограничиваются только инвективами: они включают обширные лексико-семантические, стилистические и грамматические аспекты, которые в контекстуальном рассмотрении станут выразительными (Dubrovskaya & Yuskaeva, 2022).

Как уже было указано выше, понятие вербальной агрессии многогранно даже потому, что ситуации ее применения различны между собой и иногда не поддаются четкой классификации. Нельзя не упомянуть о вполне успешных попытках систематизировать виды вербальной агрессии. Так, Ю.В. Щербинина и А. Басс представили свое видение классификации вербальной агрессии. Мы уже комментировали концепцию А. Басса и описывали вербальную агрессию как прямую/косвенную и активную/пассивную с точки зрения степени выражения. Теперь рассмотрим парадигму, представленную в работах Ю.В. Щербининой (2006), и выделим виды вербальной агрессии по степени интенсивности, осознанности, числу участников и отношению к объекту.

По *степени интенсивности* проявления вербальной агрессии исследователь выделила *сильную и слабую* вербальную агрессию. Сильный подвид проявляется в выражении вербальной агрессии с помощью инвектив и резких форм, пограничных с физической

агрессией; в то время как слабый подвид реализуется с помощью стилистических средств, таких как ирония, метафора, сарказм и прочие. Классификация по числу участников тоже представлена в виде дихотомии – *массовая* (охватывающая большие группы людей или общество в целом, выражая напряженность и конфликтогенность среды) и *социально замкнутая* (происходящая между двумя или более людьми или в рамках одной социальной группы). Третий фактор разделения – это *фактор отношения к объекту*. Здесь вербальная агрессия может быть *переходной* или *непереходной* в зависимости от того, направлена она на определенного адресата или выражает пессимистический настрой к жизни/ситуации в целом. Четвертый признак – это *признак осознанности говорящим*, что означает степень понимания происходящего и его роль в выражении агрессии (*инициативная/оборонительная*).

Определив, какая бывает вербальная агрессия, мы переходим к непосредственным средствам ее выражения – маркерам, по которым мы можем понять, что данный речевой отрезок является эмоционально окрашенным и классифицируется как проявление вербальной агрессии. В работе А.П. Костяева (2010) выделены следующие маркеры:

- Лексико-семантические маркеры представлены лексемами в многообразии их значений и основываются на связи между означаемым и означающим.
- Грамматические маркеры включают в себя инверсию, употребление местоимений, вводные слова, императивные конструкции и особенности суффиксального словообразования.
- Прагматические маркеры – это ситуативный компонент, описывающий нарушения правил коммуникации и стиля.

В данной работе мы придерживаемся стратегии разделения маркеров вербальной агрессии, представленной выше. Однако добавляем также и *пунктуационный* маркер. Гипотеза проводимого исследования заключается в том, что, исследуя письменные материалы в киберпространстве, необходимо рассматривать пунктуацию как источник маркеров, дополняющих картину многозначного предложения. Как известно, пунктуация в интернете имеет свои правила пользования, в том числе и значение. Исследуя пунктуацию и синтаксис в интернет-коммуникации, Т.В. Романова

пришла к выводу, что пунктуация в интернет-дискурсе не может рассматриваться в привычном понимании (Романова, 2021). Явление «нерегламентированной пунктуации» становится либо непреднамеренным отступлением от языковых норм, либо авторским использованием знаков препинания в тексте. В данной статье мы фокусируемся на авторском прочтении пунктуации, поскольку оно является намеренным и полисемичным, как, например, точка в конце сообщения, указывающая на негативные эмоции автора (обиду) или на принципиальность как черту характера отправителя сообщения. Также обладает собственным значением в интернете и многоточие, ранее обозначавшее в большинстве своем определенную паузу, недосказанность; сейчас оно может свидетельствовать об эмоциональной напряженности, пассивной агрессии или имитации устной речи.

Важным средством передачи эмоционального состояния, что необходимо учитывать при анализе ситуативного конфликтогенеза, выступают эмодзи: «невербальные средства визуальной репрезентации виртуальной языковой личности» (Дубинина, 2023, с.122). Являясь иконическим знаком, эмодзи выражает непосредственно чувственную составляющую, так и несет добавочный смысл (подразумевая поддержку, просьбу и т.д.). В интернет-дискурсе при обмене только текстовыми сообщениями стоит проблема распознавания реальных эмоций реальной языковой личности, поэтому визуальное подкрепление способствует фасилитации восприятия информации, пониманию истинных интенций адресанта, его реального отношения к собеседнику (Ахренова, 2021, с.6).

Следовательно, изучение таких составляющих коммуникации в киберпространстве, как пунктуация и употребление эмодзи, которые, как известно, состоят из пунктуационных знаков, представляется актуальным ввиду их широкого использования виртуальной языковой личностью.

Практическая часть

В предыдущих работах А.Д. Бобр и Н.А. Ахреновой было упомянуто, что киберпространство является средой конфликтогенной, то есть способствует развитию агрессивности у интернет-пользователей (Бобр и Ахренова, 2022; Eden & Roberto, 2021). Это происходит ввиду простых и очевидных причин.

Алгоритмы социальных сетей устроены таким образом, что пользователи могут настроить профиль и максимально замаскировать свою личность. Как говорилось выше, подобная анонимность губительна для морально-нравственных качеств, что приводит к увеличению количества оскорбительных комментариев с использованием обценной лексики по принципу «не пойман – не вор», а именно если не знаешь, кто пользователь, некого и пристыдить (Kumar, 2021). Как известно, чувство стыда – одно из важнейших регулирующих чувств, которое контролирует поведение человека и не позволяет ему выходить за рамки общественных правил. Однако оно приглушается у виртуальной языковой личности – некоторого альтер-эго реальной языковой личности, грань между которыми определить практически невозможно. Из-за сложности и самобытности данного термина найти подходящую дефиницию довольно сложно; в данной работе мы берем за основу рабочее определение, данное В.В. Миляковой: «Виртуальная языковая личность – это компетентный (технически грамотный), физически не соотнесенный с реальным своим образом пользователь коммуникативного пространства интернет, действующий в соответствии с принятыми правилами поведения в интернете» (Милякова, 2022; Ахренова и Милякова, 2022). Виртуальная языковая личность характерна своей бестелесностью, фантазийностью, искусственностью происхождения, отличностью от реальной языковой личности и реального времени и пространства. Попадая в виртуальный мир, личность раскрывает новые качества и действует по правилам сетикета, однако анонимность выводит на поверхность некоторые инстинктивные проявления личности, которые можно отнести к рефлексам.

Несмотря на то, что по сути своей реальная и виртуальная языковые личности – это один и тот же человек, понятия различны и представляют собой два порой противоположных типа личности, являемых разным типам общества – реальному и виртуальному.

Таблица 1. Различия реальной языковой личности и виртуальной

Реальная личность	языковая	Виртуальная языковая личность
--------------------------	-----------------	--------------------------------------

Существует в физическом пространстве и времени	Существует в виртуальном пространстве и времени
Телесна	Бестелесна
Существует по правилам реального общества	Существует по правилам виртуального общества
Действует от своего реального имени (не анонимна)	Может действовать от вымышленного имени (анонимна)
Дискретна в выражении многих эмоций	Открыта в выражении эмоций

Развитие виртуальной языковой личности напрямую связано с активностью индивида в киберпространстве. Мы полагаем, что это альтер-эго может влиять на реальную языковую личность, к примеру, изменить привычные паттерны языкового поведения, включить интернет-сленг в разговорную речь (то есть изменить состав речи адресанта) или же повлиять на психоэмоциональный фон личности, сделав его более агрессивным и/или демонстративным. Порой повышению уровня агрессивности у реальной языковой личности способствует фрустрация из-за несовпадения реальности виртуальной и настоящей, в которой приходится реагировать на стимулы в режиме реального времени и корректировать поведение в соответствии со строгими многочисленными правилами коммуникации в социуме и вид дискурса, в который попадает человек.

Социальные сети развиваются и меняются согласно потребностям виртуальной языковой личности. Разработанные функции удаления и редактирования постов, комментариев или сообщений наделяют интернет-пользователя большей властью и свободой. Теперь он может оскорбить собеседника и удалить реплику, если почувствует, что он не в силах противостоять оппоненту. Также избежать неприятных последствий или разговоров помогает система блокирования нежелательных собеседников. Или банальный выход из некомфортной группы с гарантией никогда не встретить неприятных собеседников в реальной жизни. Все перечисленные функции играют определенную роль в формировании виртуальной языковой личности и широко применяются в социальной сети ВКонтакте –

первой популярной русской социальной сети, созданной по аналогии с Facebook³. Там можно найти множество тематических сообществ, к которым мы и обратились в поисках материалов для анализа маркеров вербальной агрессии в комментариях. В работах Н.А. Ахреновой *виртуальное сообщество* определяется как «сеть межличностных связей, обеспечивающих социальное взаимодействие, поддержку, информацию, чувство принадлежности к группе и социальную идентичность» и характеризуется своей анонимностью, добровольностью, затрудненной эмоциональностью, множественностью образов и ролей, изменчивостью социального статуса и иерархичностью (Ахренова, 2015). Мы выбрали и проанализировали несколько постов из сообщества «контур гуся», публикующего юмористический контент – мемы, и включающего 1,7 миллиона подписчиков. В основе шуток лежат бытовые темы, жизненные истории, сопровождаемые картинками, описывающими потенциальное эмоциональное состояние упомянутых героев.

Итак, мы уже выделили маркеры вербальной агрессии: лексико-семантические, грамматические, пунктуационные и прагматические. На примере публикации сообщества «контур гуся» мы разберем конфликтогенные маркеры, являющиеся показателем вербальной агрессии пользователей. Пост-стимул представляет собой мем (Рис.1), являющийся поликодовым текстом, то есть включает как языковые (вербальные) элементы, так и графические. В тексте мема представлена ситуация, когда после объяснения значения слова «труп», ребенок соотнес объяснение «неживой=труп» с куклой и сказал, что *«под кроватью в ящике лежит труп ребенка»*, имея в виду неживого пластмассового пупса. Сопровождается текст изображением готового завтрака с корицей Cini Minis (Рис.2), ставшего вирусным после рекламы, где «безбашенные квадраты» поедают друг друга из-за отличного вкуса завтрака. На «лице» квадрата, также олицетворенного персонажа наряду с куклой из мема, считываются эмоции ужаса и шока, которые могут возникнуть после прочтения истории, рассказанной в тексте выше. Благодаря совмещению устрашающих в своем

³ Facebook принадлежит компании Meta – признана экстремистской организацией и запрещена на территории Российской Федерации

сочетании концептов «смерть» и «ребенок» пост-стимул уже сам по себе является конфликтогенным, так как сложно представить или спокойно отреагировать на реальную или вымышленную ситуацию, когда в «комнате под кроватью в ящике лежит труп ребёнка». Как мы видим комический эффект в шутке строится на обсуждении табуированных тем, без использования эвфемизмов, что не принято в межличностной коммуникации и считается нарушением этикета в современном обществе.

Рис. 1. Конфликтогенный мем

Рис.2. Готовый завтрак Cini Minis

В ответ на эту публикацию последовал комментарий *Ксении Рушинской*: «Вот бардак. Под кроватью нужно хранить мёртвых илюх, а в ящичке или коробке – живого кота», в котором содержится отсылка на эксперимент с котом Шрёдингера. Лексические единицы «в ящичке», «труп» и «неживой» подготовили почву для серии конфликтогенных комментариев, на что отреагировал пользователь *Артём Воробей*, возмущившись словом с негативной коннотацией «иллюха»: «Фууууу, матерщина!». Мы предполагаем, что коммуниканта смутил тот факт, что данная лексема была использована в комментарии под постом о том, как ребенок недопонял оппозицию «живой-мертвый» и рассказал гостям о пупсе в такой вот собственной интерпретации. Его поддержали и другие пользователи, но это не понравилось автору первого комментария *Ксении Рушинской*, за что ответившему *Артёму Воробью* был ограничен доступ к ее странице.

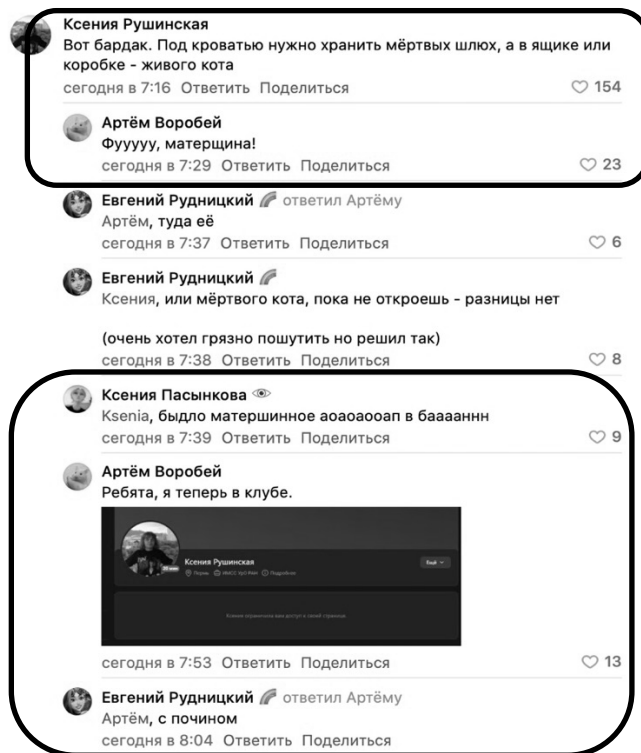

Рис.3. Комментарии 1

Согласно Толковому словарю русского языка С.И. Ожегова (Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова, 2023), данная лексема имеет классификацию «простонародное, бранное», что само по себе является конфликтогенным, так как может служить прямым оскорблением, однако шанс стать непосредственно бранным в контексте выглядел минимальным, но она в результате и стала причиной конфликта в комментариях. В представленных фотографиях можно прочесть целый отрывок конфликта на рисунках 3, 4 и 5, отдельно мы выделим маркеры вербальной агрессии.

- Макс Бобраков** ❤️
Ксения, ооо, вы шарите за годные фильмы 😊
сегодня в 9:01 Ответить Поделиться
-
- Дмитрий Мирошниченко** 🗨️
Ксения, как же некультурно
сегодня в 10:40 Ответить Поделиться ❤️ 1
-
- Corpse Defiler** 🗨️ ответил Артёму
Артём, так будет с каждым
@ksenia_culture
сегодня в 11:05 Ответить Поделиться
-
- Маша Тимофеева**
Ксения, те слово "шлюха" вы не рассматриваете, как обценную лексику? х[]се вы мизогинная ханжа
сегодня в 12:29 Ответить Поделиться ❤️ 7
-
- Данил Батраков** 🗨️
Ксения, как некультурно...
сегодня в 13:54 Ответить Поделиться
-
- Ксения Рушинская** ответила Данилу
Данил, в моём сообщении всё культурно. И слово "шлюха", как и все прочие в любом моём сообщении, является цензурным. Оно, к примеру, используется в песне "Игра с огнём" группы "Ария", а Валерий Кипелов никогда не поёт матерные песни. Небось тем, в чьей речи есть настоящий мат, вы никогда не говорите, что это некультурно, потому что кишка у вас тонка. А той, чья речь полностью, до единого слова, цензурная, высказываете, да. Ну +1 в чёрном списке, что я могу сказать.
сегодня в 14:12 Ответить Поделиться
-
- Данил Батраков** 🗨️ ответил Ксении
Ксения, отговорки...
сегодня в 14:57 Ответить Поделиться

Рис.4. Комментарии 2

-
- **Костя Яблонько'винс**
Хуйня в том что даже если шлюха не мат это все равно бранное слово не гоже такие слова произносить девушкам. Хо[redacted]оухй рот все равно грязный))
сегодня в 15:04 Ответить Поделиться
-
- **Артём Воробей** ответил Ксении
Ксения, что значит мораль, опирающаяся только на формальные правила и авторитеты, и чего стоят моралисты, без любви к ближнему ей следующие?
сегодня в 15:32 Ответить Поделиться
-
- **Ксения Рушинская** ответила Косте
Костя, зато гоже заносить матерщинное быдло в чёрный список. Будет оно мне тут указывать ещё что-то насчёт морали. Сам настолько малолетний, что ни о запятых не слыхивал, ни о том, что слово "негоже" слитно пишется, зато мату обучен, да.
сегодня в 16:01 Ответить Поделиться
-
- **Артём Воробей** ответил Ксении
Ксения, и всех остальных заодно.
сегодня в 16:02 Ответить Поделиться
-

Рис.5. Комментарии 3

Шуточный комментарий об обсценном происхождении слова «шлюха» вызвал у первого комментатора негативные эмоции, что выразилось в дальнейшем ограничении просмотра контента страницы от этого пользователя и резких ответах в свою защиту. Конфликт дошел до своей кульминации, где девушка стала блокировать всех, по ее мнению, некультурных комментаторов, но не разрешился примирением, а застыл в апогее. В данном случае мы имеем дело с флеймингом (от англ. flaming) – «деструктивной онлайн-коммуникацией в виде агрессивных вербальных выпадов одного или нескольких участников онлайн дискуссии» (Солдатова, Рассказова, Чигарькова, 2020). На наш взгляд, такому повороту событий способствовали не только стадии проживания конфликта, но и речевые конструкции, если не в первую очередь, строившие конфликтную ситуацию, в том числе и ироничные высказывания и обсценная лексика. Мы полагаем, что в данном конфликте виртуальные языковые личности столкнулись с флеймингом, так как комментаторы негативно высказывались именно по поводу употребления лексической единицы с негативной коннотацией

«шлюха» в конкретной ситуации. Это можно проследить по примерам из комментариев: «Фууууу, матерщина», «туда её», «Х***я в том что даже если шлюха не мат это все равно бранное слово», «как некультурно», «те слово «шлюха» вы не рассматриваете, как обценную лексику?», «И слово «шлюха», как и все прочие в любом моём сообщении, является цензурным». Дальнейшего продолжения после блокировки пользователя конфликт не получил, то есть агрессия была ситуативной, что вполне соответствует описанию флейминга, представленному выше.

В данном конфликте мы можем выделить:

❖ Лексико-семантические маркеры:

➤ «Вот бардак» (=беспорядок, оценка состояния описанной комнаты, вводная фраза); «хранить мёртвых шлюх» (предполагаемая отсылка к произведению популярной культуры); «матерщина» (в значении «матерщинница» - женщина, ругающаяся матом); «как же некультурно» (усилено частицами «как» и «же» со значением осуждения комментария); «мизогинная ханжа» (зд. высказывающая неприязнь к женскому полу лицемерная женщина); «матерные песни»; «кишка у вас тонка» (идиоматическое выражение, в переносном смысле: «вам страшно»); «в черном списке» (в значении списка лиц, на которых распространяется ограничение доступа); «бранное слово»; «отговорки»; «рот грязный» (в переносном значении, «из которого произносилась обценная лексика, считающаяся «грязным» языком»); «матерщинное быдло»; «малолетний»; «негоже» (смена стиля, в данном случае подчеркивающая значение превосходства собеседника по принципу образованности); «мату обучен, да» (зд. презрительное соотношение качества образования: не обучен грамматике, но обучен мату).

Выделенные лексические единицы

➤ Также были использованы инвективные единицы, в том числе и мата, как «х**се», «х***я» и «по**й», «мизогинная ханжа», «быдло», «малолетний», «шлюха».

Данные лексические единицы несут в себе конфликтное начало, непосредственно отображают напряженность в разговоре и имеют цель задеть, если не оскорбить другую сторону конфликта.

❖ Грамматические маркеры:

➤ «не гоже» (устаревшая форма написания «негоже», является ошибкой); «зато гоже заносить матерщинное быдло в черный список. Будет оно мне указывать» (употребление местоимения «оно» как отсылка на существительное «быдло», также выражающее подчеркнутое неуважение к упомянутым людям); «что значит мораль, опирающаяся только на формальные правила и авторитеты, и чего стоят моралисты, без любви к ближнему ей следующие?» (инверсия, ссылающаяся на философские высказывания и намекающая на неправоту собеседника, риторический вопрос); «Небось» (вводное слово); «х** се вы мизогинная ханжа» (употребление местоимения 2-го лица множественного числа по отношению к молодому лицу в смешении с обценной лексикой).

❖ Пунктуационные маркеры:

➤ «как некультурно...»; «отговорки...» (многоточием авторы выделяют отсутствие надежды на конструктивное продолжение диалога); «Фууууу, матерщина!» (восклицательный знак усиливает смысл, заложенный в предложении, и выполняет функцию привлечения внимания, характерную для виртуальной языковой личности), «и всех остальных заодно.» (в интернет-жаргоне точка, поставленная в конце сообщения, свидетельствует о серьезности написанного либо о подчеркнутой грамотности собеседника).

Также в комментариях встречались случаи игнорирования знаков препинания (что было сделано либо намеренно, чтобы ускорить восприятие смысла текста, сэкономить усилия автора, либо непреднамеренно ввиду неграмотности автора или знаковых ограничений социальных сетей) и их подчеркнутое расставление как признак грамотного человека (в контексте конфликта это считается как определенное тонкое оскорбление).

❖ Орфографические маркеры:

➤ Стилистический прием звукоподражания на письме: «Фууууу, матерщина!», «баааннн», отображающий фонетизацию письменной речи, дополняя привычное значение языкового знака, и также служащий функции привлечения внимания.

❖ Прагматические маркеры:

➤ Ирония употребления риторического вопроса «что значит мораль, опирающаяся только на формальные правила и авторитеты, и чего стоят моралисты, без любви к ближнему ей

следующие?», которая высвечивается на контрасте с комментариями, содержащими инвективу; *«Негоже»* и *«небось»* (смена стиля).

Данный конфликт был интересен нам в качестве объекта исследования, поскольку содержал в себе весь спектр маркеров и включал редкое, но интересное использование обценной лексики при осуждении употребления одного слова в противовес осудительного комментария, полного инвектив (*«те слово «шлюха» вы не рассматриваете, как обценную лексику? х** се вы мизогинная ханжа»*).

Также мы получили подтверждение своей гипотезы о том, что пунктуационные маркеры являются важным проявлением вербальной агрессии наряду лексико-семантическими, грамматическими и прагматическими маркерами.

Заключение

Вербальная агрессия – это эмоциональная словесная реакция человека на внешние стимулы с целью выражения негативных эмоций. Она делится на прямую/косвенную, активную/пассивную, сильную/слабую, массовую/социально замкнутую и переходную/непереходную. Феномен вербальной агрессии исследуется многие десятилетия зарубежными и отечественными учеными; в современной науке изучение вербальной агрессии переходит от анализа литературных произведений и заголовков СМИ к анализу реальных речевых ситуаций в киберпространстве, в котором функционирует уже не языковая личность в привычном понимании, а виртуальная языковая личность, отличающаяся от реальной своим искусственным происхождением, желанием проявиться и функционированием согласно правилам виртуального пространства.

Определение наличия средств выражения вербальной агрессии основывается на вычленении маркеров вербальной агрессии, которые в свою очередь делятся на лексико-семантические, грамматические, пунктуационные, орфографические и прагматические. Данная классификация маркеров способствует более точному рассмотрению факта проявления агрессии в словесно-знаковой форме. Исследуя живую речь, представленную в комментариях в социальной сети ВКонтакте, нам удалось выделить маркеры вербальной агрессии и показать ход развития

конфликта с помощью языковых средств, в том числе и пунктуационных, расширяющих значение многих словесных комментариев.

Литература

1. Ахренова Н.А. Ключевые метафорические концепты интернет-лингвистики: киберпространство, виртуальная реальность, виртуальное сообщество, виртуальное время, виртуальная языковая личность // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». – 2015. – №3. – С. 46-55.
2. Ахренова Н.А. Невербальная презентация концепта COVID-19 в интернет-пространстве // Иностранные языки в высшей школе. – 2021. – № 1 (56). – С. 5-14.
3. Ахренова Н.А., Милякова В.В. Языковая личность VS виртуальная языковая личность // Иностранные языки в высшей школе. – 2022. – №1 (60). – С. 10-20.
4. Бобр А. Д., Ахренова Н. А. Лингвоконфликтогенез в социолингвистическом дискурсе на фоне пандемии Covid-19 // Военно-гуманитарный альманах. Серия "Лингвистика". Выпуск №7. – М.: Военный университет Минобороны России, 2022. – С. 90-97.
5. Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. – СПб.: Питер пресс, 1997.
6. Дубинина М.Н. Эмодзи как лингвокультурный феномен виртуальной языковой картины мира (на примере китайского языка) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ). – 2023. – №3 (65). – С. 119-133.
7. Жельвис В. И. Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия. – Ярославль, 1990.
8. Комалова Л. Р. Язык и речевая агрессия // Серия «Теория и история языкознания». – М.: ИНИОН РАН, 2015. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-i-rechevaya-agressiya> (дата обращения: 10.11.2023).
9. Коновалов И. А. Вербальная агрессия // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/verbal-naia-agressiia-32c385/?v=8598752>. – Дата публикации: 10.10.2023.

10. Костяев А.П. Дискурсивные маркеры вербальной агрессии в профессиональной коммуникации // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2010. – №19. – С. 101-109.
11. Лазебная И.Б. Особенности выражения речевой агрессии в современном английском языке: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Лазебная Ирина Борисовна. [Место защиты: Белгород. гос. ун-т]. – Белгород, 2007.
12. Малюга Е.Н., Хаперсткова А.А. Лингвокогнитивный аспект изучения женской эмоционально-оценочной лексики в рекламном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 1. С. 71-79.
13. Милякова В.В. Персуазивные характеристики рекламных текстов в Инстаграм: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Милякова Виктория Владимировна. [Место защиты: ГОУ ВО МО Московский государственный областной университет]. – Мытищи, 2022.
14. Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово: учебное пособие для учащихся 10-11 классов. – М.: Просвещение, 1996.
15. Определение речевой агрессии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studbooks.net/730390/zhurnalistika/opredelenie_rechevoy_agressii?ysclid=lpvbw6tqwt523869811 (дата обращения: 12.11.2023).
16. Романова Т.В. Пунктуационные особенности сетевого общения // Семантика. Функционирование. Текст. Межвузовский сборник научных трудов. – 2021. – С. 126-133.
17. Толковый словарь С.И. Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/?ysclid=lpwux2u6m7444560978> (дата обращения: 08.12.2023).
18. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Чигарькова С. В. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи // Национальный психологический журнал. – 2020. – №2(38). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-kiberagressii-opyt-podrostkov-i-molodezhi> (дата обращения: 09.12.2023).
19. Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. – М.: URSS, 2006.
20. Buss A. H. The Psychology of aggression. – Hassell Street Press, 2021.

21. Dubrovskaya T. V., Yuskaeva E. I. Language aggression in virtual professional communities // *Training, Language and Culture*. – 2022. – Vol. 6(4). – Pp. 62-72. doi: 10.22363/2521-442X-2022-6-4-62-72
22. Eden J., Roberto A. J. The role of verbal aggression in cyberbullying perpetration and victimization by middle school students // *Future Internet*. – 2021. – Vol. 13(9). – P. 223. <https://doi.org/10.3390/fi13090223>
23. Infante D. A., Rancer A. S. Argumentativeness and Verbal Aggressiveness. A Review of Recent Theory and Research // *Communication Yearbook*. – 1996. – Vol. 19. – Pp. 319-352.
24. Kumar R. Verbal Aggression on Social Media: How, why and its Automatic Identification [Electronic resource]. – 2021. – <https://doi.org/10.31235/osf.io/qcmez>
25. Malyuga E., Petrosyan G. Speech aggression in corporate communication: The gender aspect in the philosophy of culture // *Wisdom*. – 2022. – № 3(2). – Pp. 124-136. <https://doi.org/10.24234/wisdom.v3i2.837>
26. Piotrovskaya L. A., Trushchelev P. N. Communicating recipient's emotions: Text-triggered interest // *Training, Language and Culture*. – 2022. – №6(1). – Pp. 60-74. doi: 10.22363/2521-442X-2022-6-1-60-74
27. Theocharis D., Bekiari A. Dynamic analysis of verbal aggressiveness networks in school. *Open Journal of Social Sciences*. – 2018. – Vol. 06(01). – Pp. 14–28. <https://doi.org/10.4236/jss.2018.61002>

References

- Akhrenova, N.A. (2015). Kljuचेve metaforicheskie koncepty internet-lingvistiki: kiberprostranstvo, virtual'naja real'nost', virtual'noe soobshhestvo, virtual'noe vremja, virtual'naja jazykovaja lichnost' [Key metaphoric concepts of Internet linguistics: cyberspace, virtual reality, virtual community, virtual time, virtual language individuality]. *Journal RUDN, Theory of language. Semiotics. Semantics series*, 3, 46-55.
- Akhrenova, N.A. (2021). Neverbal'naja prezentacija koncepta COVID-19 v internet-prostranstve [Non-verbal presentation of COVID-19

- concept in cyberspace]. *Inostrannye jazyki v vysshej shkole, 1* (56), 5-14.
- Akhrenova, N.A., & Milyakov, V.V. (2022). Jazykovaja lichnost' VS virtual'naja jazykovaja lichnost' [Language personality VS virtual language personality]. *Inostrannye jazyki v vysshej shkole, 1* (60), 10-20.
- Baron, R. (1997). *Agressija* [Aggression]. Transl. from Eng. by Robert Baron, Debora Richardson. Saint-Petersburg: Piter press.
- Bobr, A.D., & Akhrenova, N.A. (2022). Lingvokonfliktogenez v sociolingvističeskom diskurse na fone pandemii Covid-19 [Lingua conflict genesis in sociolinguistic discourse during Covid-19 pandemic]. *Voenno-gumanitarnyj al'manah. Serija "Lingvistika"*, 7, 90-97.
- Buss, A. H. (2021). *The Psychology of aggression*. Hassell Street Press.
- Dubinina, M.N. (2023). Jemodzi kak lingvokul'turnyj fenomen virtual'noj jazykovej kartiny mira (na primere kitajskogo jazyka) [Emoji as linguacultural phenomenon of virtual linguistic view of the world (on the example of Chinese language)]. *Vestnik Krasnojarskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva (Vestnik KGPU)*, 3 (65), 119-133.
- Dubrovskaya, T. V., & Yuskaeva, E. I. (2022). Language aggression in virtual professional communities. *Training, Language and Culture*, 6(4), 62-72. doi: 10.22363/2521-442X-2022-6-4-62-72
- Eden, J., & Roberto, A. J. (2021). The role of verbal aggression in cyberbullying perpetration and victimization by middle school students. *Future Internet*, 13(9), 223. <https://doi.org/10.3390/fi13090223>
- Infante, D. A., & Rancer, A. S. (1996). Argumentativeness and Verbal Aggressiveness A Review of Recent Theory and Research. *Communication Yearbook*, 19, 319-352.
- Komalova, L.R. (2015). Jazyk i rečevaja agressija [Language and verbal aggression]. *Jazyk i rečevaja agressija, 2015*. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-i-rečevaya-agressiya> (Accessed: 10.11.2023).
- Konovalov, I.A. *Verbal'naja agressija* [Verbal aggression]. Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija: nauchno-obrazovatel'nyj portal. Retrieved from: <https://bigenc.ru/c/verbal-naia-agressiia-32c385/?v=8598752> (Accessed: 10.11.2023).

- Kostyaev, A.P. (2010). Diskursivnye markery verbal'noj agressii v professional'noj kommunikacii [Discourse markers of verbal aggression in professional communication]. *Mir lingvistiki i kommunikacii: jelektronnyj nauchnyj zhurnal*, 19, 101-109.
- Kumar, R. (2021). Verbal Aggression on Social Media: How, why and its Automatic Identification. <https://doi.org/10.31235/osf.io/qcmez>
- Lazebnaya, I.B. (2007). *Osobennosti vyrazhenija rechevoj agressii v sovremennom anglijskom jazyke [Peculiarities of verbal aggression in modern English language]*. (Candidate thesis, Russia, Belgorod State University, Belgorod, Russia).
- Malyuga, E., & Petrosyan, G. (2022). Speech aggression in corporate communication: The gender aspect in the philosophy of culture. *Wisdom*, 3(2), 124-136. <https://doi.org/10.24234/wisdom.v3i2.837>
- Malyuga, E.N., & Khaperstkova, A.A. (2023). The linguistic-cognitive aspect in studying women's emotional-evaluative lexis in advertising discourse. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 1, 71–79.
- Mikhalskaya, A.K. (1996). *Osnovy ritoriki: Mysl' i slovo: uchebnoe posobie dlja uchashhihsja 10-11 klassov [Basics of rhetoric studies : Thought and word : student's book for students 10-11 grades]*. Moscow: Prosveshchenie.
- Milyakova, V.V. (2022). *Persuazivnye harakteristiki reklamnyh tekstov v Instagram [Persuasive characteristics of advertising texts in Instagram]* (Candidate thesis, Russia, Moscow State Regional University, Mytishi, Russia).
- Opredelenie rechevoj agressii [Definition of verbal aggression]*. Retrieved from [studbooks.net: https://studbooks.net/730390/zhurnalistika/opredelenie_rechevoj_agressii?ysclid=lppvw6tgwt523869811](https://studbooks.net/730390/zhurnalistika/opredelenie_rechevoj_agressii?ysclid=lppvw6tgwt523869811) (Accessed: 12.11.2023).
- Piotrovskaya, L. A., & Trushchelev, P. N. (2022). Communicating recipient's emotions: Text-triggered interest. *Training, Language and Culture*, 6(1), 60-74. doi: 10.22363/2521-442X-2022-6-1-60-74
- Romanova, T.V. (2021). Punktuaionnye osobennosti setevogo obshhenija [Punctuational features of Internet communication]. *SEMANTIKA. FUNKCIONIROVANIE. TEKST mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov*, 126-133.

- Schcherbinina, Yu.V. (2006). *Verbal'naja agressija* [Verbal aggression]. Moscow: URSS.
- Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I., & Chigarkova, S.V. (2020). Vidy kiberagressii: opyt podrostkov i molodezhi [Types of cyber aggression: teenagers and young adults' experience]. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*, 2 (38). Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-kiberagressii-opyt-podrostkov-i-molodezhi> (Accessed: 09.12.2023).
- Theocharis, D., & Bekiari, A. (2018). Dynamic analysis of verbal aggressiveness networks in school. *Open Journal of Social Sciences*, 06(01). DOI: 10.4236/jss.2018.61002
- Tolkovyj slovar' S.I. Ozhegova* [Ozhegov's dictionary of Russian language]. Retrieved from: <https://slovarozhegova.ru/?ysclid=lpwux2u6m7444560978> (Accessed: 08.12.2023).
- Zhelvis, V.I. (1990). *Jemotivnyj aspekt rechi. Psiholingvisticheskaja interpretacija rechevogo vozdestvija*. [Emotional speech aspect. Psycholinguistic interpretation of speech impact]. Yaroslavl.

УДК 811.581.11

<https://doi.org/10.25076/vpl.52.03>

Е. Н. Богомолова⁴

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В статье рассматриваются жанровая специфика публицистических текстов в прошлом и настоящем, а также

⁴ Богомолова Е. Н. 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>